

УДК 94(470) «1941»

ТАК ВОЕВАЛИ ЗАХВАТЧИКИ ИЗ РУМЫНИИ. МОРАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ РУМЫНСКИХ ВОЙСК В БОЯХ С КРАСНОЙ АРМИЕЙ ЛЕТОМ-ОСЕНЬЮ 1941 г.

МАЛЮТИНА Татьяна Петровна,кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, философии и русского языка,
Воронежский государственный аграрный университет имени императора Петра I

АННОТАЦИЯ. В статье на основе румынских и советских архивных материалов анализируется морально-психологическое состояние румынских войск, вероломно напавших на СССР в 1941 г. Рассматриваются взгляды румынского и немецкого командований на необходимость и целесообразность войны.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Южный фронт, 3-я, 4-я румынские армии, 1941 год.

ROMANIAN INVADERS WARFARE. MORAL AND PSYCHOLOGICAL STATE OF THE ROMANIAN TROOPS IN THE BATTLES WITH THE RED ARMY DURING THE SUMMER-AUTUMN OF 1941.

MALYUTINA T.P.,Cand. Hist. Sci., Docent of the Department of History, Philosophy and Russian Language,
Voronezh State Agricultural University named after Emperor Peter the Great

ABSTRACT. The article analyzes the moral and psychological state of the Romanian troops that treacherously attacked the USSR in 1941. The analysis is based on the Romanian and Soviet archival materials. The necessity and expediency of war are considered from the stand point of the Romanian and German command.

KEY WORDS: South front, 3-th, 4-th Romanian armies, 1941.

Организация и развертывание боевых действий румынских войск на границе с Советским Союзом в июне 1941 г. совершались по прямому соглашению между канцлером Германии Адольфом Гитлером и кондукэтором Румынии Йоном Антонеску. 18 июня 1941 г. Гитлер, оправдывая свои захватнические устремления, писал Антонеску: «Поведение русских и их усиливающаяся подготовка к агрессии вынуждают меня применить в ближайшее время германские вооруженные силы для окончательного устранения этой опасности в Европе». По мысли Гитлера, немецкие и румынские войска для эффективной реализации «грандиозного замысла нападения на СССР» должны были находиться в его непосредственном подчинении. Чтобы при этом не пострадал престиж кондукэтора в глазах румынского народа, Гитлер предлагал следующую схему управления войсками. Высшее командование 11-й немецкой армии в качестве рабочего штаба при румынской ставке должно будет претворять «пожелания» фюрера в военные приказы, но передавать их по румынским войскам за подписью Антонеску. Кондукэтору предлагалось поддерживать тесную связь с начальниками немецкой военной миссии, морского штаба, 4-й авиафлотилии, а также ввести в румынской ставке новые должности «начальников взаимной связи» [7, л. 7-8].

После начала боевых действий главной задачей румынских войск, согласно «пожеланиям» фюрера, должна была стать оборона румынской территории от вторжения советских подразделений. При этом особое внимание надлежало уделить борьбе с возможным парашютным десантом и актами саботажа в районе нефтедобычи, в порте Констанца и у моста через Дунай. С точки зрения Гитлера, румынским войскам было также по силам захватить мосты че-

рез р. Прут и создать плацдармы на восточном берегу, чтобы облегчить дальнейший переход в наступление. По плану Гитлера, после успешных наступательных действий немецкой армии в северной Галиции советские войска будут вынуждены отступить от румынской границы, чтобы не оказаться в окружении. И тогда перед румынскими подразделениями встанет задача преследовать противника, постоянно атакуя и препятствуя его отступлению в боевом порядке через Днестр. При этом следовало использовать авиацию и наносить Красной армии как можно более серьезный урон [7, л. 9].

29 июня 1941 г. Гитлер писал Антонеску, что первые семь дней войны с СССР принесли большие успехи, особенно к северу от болот Припяти. Советские войска, оборонявшие границу, были смяты немецкими бронетанковыми частями и в беспорядке отступали. На всем пространстве между болотами Припяти и Балтийским морем фашистами готовились «серьезные военные операции на уничтожение, которые будут происходить на базе преследования в крупном масштабе». Гитлер благодарил Антонеску за «храбрость и активность, проявленные румынской армией как на р. Прут, так и в Северной Буковине» [7, л. 10], хотя в действительности эта «активность» ощутимых результатов и не дала. Румыны в июньские дни 1941 г. не смогли форсировать р. Прут и создать надежные плацдармы на его восточном берегу. Советские пограничники и части Южного фронта дали серьезный отпор противнику. Фашисты на всем протяжении советско-румынской границы захватили только приграничный населенный пункт Скуляны. Гитлер писал Антонеску, что военная обстановка ставит вопрос о начале наступления румынских войск 2 июля 1941 г. через р. Прут из района восточнее Ботошаны к северо-востоку. Это наступление в своем развитии «приведет к возвращению Бессарабии, начиная с ее левой части». В связи с этим Антонеску

должен был передать в распоряжение командующего 11-й армией генерала Риттера фон Шоберта румынские дивизии, готовые идти в наступление, координировать и согласовывать с ним все боевые действия [7, л. 10–11].

В июле 1941 г. под натиском румыно-немецких войск и из-за выхода противника в район Киева подразделения Южного фронта были вынуждены отступать, чтобы не оказаться в окружении. Румыны преследовали и атаковали отходившие советские подразделения. Начальник Генерального штаба сухопутных войск Германии, генерал-полковник Ф. Гальдер в своем военном дневнике 9 июля 1941 г. признавал, что «румыны, против ожидания, сражаются хорошо» [1, с. 95]. 31 июля 1941 г. 3-я румынская армия форсировала Днестр. Начиная с 1 августа, 3-я и 4-я румынские армии вели самостоятельные боевые действия. 3-я румынская армия вместе с 11-й немецкой воевала между Днестром и Бугом участвовала в создании предмостного укрепления в районе Вознесенска [9, р. 14–15]. 4-я румынская армия получила задачу захватить Одессу [7, л. 1-3].

По данным разведотдела штаба Южного фронта, до перехода румынских войск за р. Прут среди значительной части румынских военнослужащих были распространены шовинистические настроения и стремление «вернуть отнятые Советским Союзом территории Бессарабии и Северной Буковины». При этом подавляющее большинство офицеров и некоторая часть солдат понимали, что Румыния вступила в войну с Советским Союзом не по мотивам «восстановления справедливости», а по приказу Германии. Но так как предполагалось, что война с СССР будет непродолжительной, генералитет, офицерство и армия восприняли ее как выполнение долга перед страной [5, л. 25]. «Умная и хорошо поставленная пропаганда может превратить в представлении народа самый ад в рай и наоборот», – утверждал А. Гитлер [4, с. 18]. Следуя данному принципу, фашистская пропаганда убеждала румын в том, что они являются воинами-освободителями, спасителями братских народов и всей европейской цивилизации от безбожного большевизма. Высокопарные лозунги дополнялись конкретными обещаниями о наделении всех отличившихся солдат и офицеров земель на завоеванных территориях. Но чем дальше продвигалась румынская армия по территории СССР, тем больше проявлялись признаки роста военной усталости и элементы разложения румынской армии.

Удары Красной армии, нанесенные 4-й румынской армии на Одесском направлении и 3-й армии на Белозерском плацдарме, значительно поколебали волю к продолжению войны у прогермански настроенного офицерства. Большинство пленных румынских солдат, по их словам, вообще не хотели воевать. Некоторые из них сетовали на свое скудное материальное положение, из-за которого не смогли дать взятку и откупиться от военной службы [3, с. 47]. По данным разведотдела штаба Южного фронта, 90% румынских военнопленных заявляли, что в бой шли только под угрозой расстрела и всеми силами пытались избежать опасных положений в бою.

Состояние дисциплины и организованности в румынской армии характеризовал приказ № 2200 командующего 3-й армии генерала Петре Думитреску. В приказе приводилась следующая информация: с самого начала военных действий Антонеску, производя ежедневные инспекции на фронте, установил «полнейшее отсутствие организованности и дисциплины тылов». Прибыв в район дислокации 4-й армии, кондуктор увидел полный хаос и неразбериху. Все полковые службы и обозы стояли в районе посевов. Несколько сотен гектаров полей

было вытоптано и уничтожено, «как во время нашествия диких орд». Колонны и службы армии передвигались беспорядочно. Сотни повозок скупчились, хотя, согласно приказу, разрешалось движение группами по 5-6 повозок с интервалами между группами в 50 метров. Отдельные обозы находились в постоянном движении, не зная, кто их куда послал и зачем. Автомобили направлялись за много десятков километров с тем, чтобы привезти несколько килограммов материала. При таком неорганизованном и беспорядочном движении, о котором не знали даже начальники тылов фронта, солдаты и лошади изнурялись и бесполезно выбывали из строя. Отдельные солдаты болтались без всякого дела по полям и дорогам. Многие ходили грязные, невымытые, небритые, «в самом распушенном виде». В летний знойный день почти все солдаты были в шинелях. Солдаты отбились от рук начальства. Антонеску, увидев это, осознал, что при первой же артиллерийской или воздушной бомбардировке могла бы возникнуть паника и беспорядки. Прибыв на командный пункт, кондуктор столкнулся с ситуацией, которую сам же охарактеризовал, как «сумасшедший дом». В траншее рядом друг с другом находились 4 телефонные станции. У этих станций офицеры и солдаты отчаянно кричали при переговорах с нижестоящими по званию так, что в общем шуме и гвалте нельзя было ничего понять. Антонеску отдал приказ о приостановлении наступательной операции 4-й армии и наведении порядка в руководящем аппарате и в организации армейских тылов. Командующий 3-й армией генерал Думитреску, чтобы не допустить гнева кондуктора, в своем приказе принял превентивные меры и потребовал быстрого налаживания эффективной работы командных пунктов, связи, эвакуации и снабжения, так как отсутствие дисциплины в этих важных звеньях могло привести к провалу любой военной операции [5, л. 26-27].

К осени 1941 г., по данным советской разведки, значительно увеличилось число фактов дезертирства румынских военнослужащих. Например, документально подтверждалось, что в трех ротах 9-го горнострелкового батальона в течение трех дней дезертировали 24 человека. Для поддержания порядка во время боя в румынские части включались немецкие подразделения. О том, что в румынских войсках были серьезные проблемы с дисциплиной, свидетельствовали многочисленные приказы, в числе которых были и достаточно курьезные. Так, командир 2-й горно-стрелковой бригады генерал Думитраке 4 сентября 1941 г. в своем приказе писал: «Я всегда гордился особыми качествами офицеров, находящихся в моем подчинении, так как в отличие от офицеров других частей мои офицеры не напиваются без меры, не дерутся, не воруют и не играют в карты». Далее генерал Думитраке отмечал, что некоторые офицеры не оправдали его доверия, и в подтверждение своих слов приводил «печальный случай». Один лейтенант избил, истерзал солдата с «животной грубостью» до состояния, когда солдат «потерял человеческий образ». Румынский генерал призывал офицеров своей части не терять авторитет, раздавая солдатам пощечины и избивая их палками, не ходить пьяными среди подчиненных и не играть в карты [5, л. 27-28].

Такое состояние офицерского состава неизбежно сказывалось на поведении солдат. Румынская армия отличалась жестокостью в обращении с населением оккупированных территорий. Кондуктор в своих указах прямо декларировал необходимость физического уничтожения всех евреев и коммунистов, а также тех, кто посмеет оказать хотя бы малейшее сопротивление или просто покажется подозрительным. Массовые расстрелы тысяч совет-

ских граждан, в числе которых были женщины, дети, старики, осуществлялись в Бессарабии и Буковине с первых же дней оккупации [2, с. 163].

Постепенно размах грабежей и насилия над мирными жителями принял такой масштаб, что румынский генералитет, боясь окончательного разложения армии, вынужден был издавать приказы о принятии мер против мародерства. Командующий 3-й румынской армией генерал Думитреску в своем приказе от 28 августа 1941 г. отмечал: «Германские органы сообщают, что грабежи, незаконные реквизиции, насильственные девушек и женщин продолжают иметь место со стороны румынских солдат, несмотря на изданные неоднократно по этому поводу приказы» [5, л. 29]. Зная о грозящем наказании, солдаты совершали злодеяния, стараясь быть неузнанными, скрывая свои имена и номера подразделений, где они служили. Для того чтобы призвать солдат к порядку, в армии были введены телесные наказания, состоявшие «из нанесения ударов ремнем по спине». Врач части должен был дать разрешение и присутствовать при применении этой дисциплинарной меры. В зависимости от тяжести поступка и, принимая во внимание прошлое виновного, начальники получали право применять телесные наказания в следующей мере: командир полка – 25 ударов, командир батальона – 15 ударов [5, л. 13, 29].

Румынские солдаты «наводили порядок» на оккупированной территории с гораздо большей охотой, чем воевали на передовой. Потому многие из них любой ценой стремились уйти в тыл. Распространялись случаи намеренного членовредительства. Обеспокоенный этим обстоятельством начальник румынского генштаба генерал Иоанициу 4 сентября 1941 г. издал приказ: «Командиры соединений должны расстреливать на месте всех виновных в саморазрушении, как только медицинской экспертизой или другими средствами будет установлен этот факт. Несколько расстрелов перед строем за членовредительство абсолютно необходимо» [5, л. 29-30].

Показаниями пленных румынских офицеров и солдат подтверждалось, что в Румынии царило скрытое недовольство войной в интересах Германии, недовольство хозяйничанием немцев. Пленный румынский капитан Йоган на вопрос, почему же румынская армия продолжает военные действия против СССР, ответил: «Немецкая пропаганда о слабости Советского Союза, а также отступление русских, наряду с требованием Германии безоговорочно продолжать военные операции, являются той

ниткой, на которой еще держится военная машина Румынии» [5, л. 30].

Антонеску придерживался иных взглядов на ведение войны с Советским Союзом. В письме к Гитлеру он подобострастно уверял «величайшего борца величайшей нации» в своей лояльности и утверждал, что румынский народ присоединился к борьбе против большевиков «на основе жизненного инстинкта» и потому будет идти с фюрером к великой победе, от которой зависит будущее Европы и всей мировой цивилизации. «Мы верим в эту борьбу и в кровавые жертвы тех, кто боролся, борется и будет бороться!» [6, л. 219, 223], – заявлял он.

В приказе по румынскому горно-стрелковому корпусу от 15 сентября 1941 г. обращалось внимание на то, что некоторые самонадеянные офицеры не уделили должного внимания приказам, где перечислялись «хитрости русских», и потому «некоторые части даже после получения инструкции были захвачены врасплох и понесли большие потери». К «русским хитростям» в приказе были отнесены следующие ситуации военного времени: советские солдаты прячутся в населенных пунктах и открывают огонь по румынским войскам, когда они приближаются или входят в село. Бойцы Красной армии могут скрываться в сельскохозяйственных посевах, лесных посадках, выжидать приближения войск противника, а затем стрелять на поражение. Советские солдаты могли притворяться мертвыми, а потом внезапно открывать огонь. Они вооружают гражданское население или при отходе оставляют ему оружие. Под видом крестьян или рабочих ostавляют разведчиков или диверсантов [5, л. 30].

Таким образом, уже в первые месяцы «крестового похода» гитлеровцев против Советского Союза морально-психологическое состояние румынских войск оказалось неустойчивым. Налицо были явные элементы разложения военнотружущих и усталость от войны [5, л. 30-31]. В то же время локальные победы и успехи немецких союзников на других фронтах окрыляли румынских солдат, давали надежду на быстрый разгром советских войск и «справедливое вознаграждение». Подобные настроения всячески поддерживали румынские правящие круги. В их среде зрела мечта о «Великой Румынии», реализовать которую они были готовы любой ценой [8, с. 13-16]. Подобные планы фашистов перечеркнули Красная армия, советский народ, в едином порыве вставшие на пути румынских захватчиков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Гальдер, Ф. Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба Сухопутных войск 1939–1942 гг. Т. 3. От начала восточной кампании до наступления на Сталинград (22.06.1941 – 24.09.1942) [Текст] / Ф. Гальдер ; пер. с нем. И. Глаголева. – М.: Воениздат, 1971. – 398 с.
2. Левит, И.Э. Участие фашистской Румынии в агрессии против СССР: истоки, планы, реализация (1.IX.1939 – 19.XI.1942) [Текст] / И.Э. Левит. – Кишинев: Штиинца, 1981. – 393 с.
3. Сталинградская эпопея: материалы НКВД СССР и военной цензуры из Центрального архива ФСБ РФ [Текст]. – М.: Звонница-МГ, 2000. – 496 с.
4. Филоненко, С.И. Психологическая война на Дону. Мифы фашистской пропаганды. 1942–1943 [Текст] / С.И. Филоненко, М.И. Филоненко. – Воронеж: Кварта, 2006. – 414 с.
5. Центральный архив Министерства обороны РФ (далее – ЦАМО). Ф. 18 А. Оп. 6367. Д. 17.
6. ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 472.
7. ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 473.
8. Чалая, Т.П. Крушения мифа о «Великой Румынии» в годы диктатуры Й. Антонеску [Текст] / Т.П. Чалая // Военно-исторический журнал. – 2010. – № 1.
9. Axworthy, M. The Romanian Army of World War 2 [Text] / M. Axworthy. – London: Horia Serbanescu, Osprey Publishing Ltd, 1991. – 48 p.